

ЧЕЛОВЕК И СОБЫТИЕ

ЕСТЬ в советской драматургии темы, к которым она возвращается снова и снова, не удовлетворяясь уже написанными пьесами и сыгранными спектаклями. Одна из таких тем — 1905 год, декабрьское вооруженное восстание в Москве, подвиг рабочих дружин Красной Пресни. Мы помним несколько пьес о событиях 1905 года, в «генеральной репетиции» победоносного Октября; некоторые из них подолгу шли на сцене, но ни одна не вошла в «золотой фонд» нашей драматургии. И писатели и театры сознают, что тема героического летнего года еще ждет полноценного художественного воплощения, они не складывают оружия, продолжают творческие поиски... Так накапливается коллективный опыт писателей и театров, идущих разными путями и общей цели.

Интересный пример драматургической и сценической разработки героической темы — постановка пьесы Дм. Щеглова «В дни первой бури» в Калининском драматическом театре.

Хорошая традиция — открывать гастроли новой, не известной москвичам пьесой! Подобно владивостокскому, сталинградскому, новосибирскому актерам, калининцы проявили инициативу в работе с драматургом — выступают со спектаклем, требуют от мастеров театра не только исполнительского таланта, но и творческой самостоятельности, инициативы, — им пришлось самим, на свой риск, проверить достоинства и недостатки пьесы.

...Купе пассажирского вагона третьего класса набито до отказа. Идет взволнованный разговор о событиях, всколыхнувших всю Россию. Здесь, в купе, встречаются очень непохожие друг на друга люди — студент-подползчик, матрос с

мятежного крейсера «Очаков», помещик, бегущий в Москву от крестьянского бунта, крупный адвокат, генерал, переодетый в штатское, начальник сыского отделения полиции. Общая беседа пассажиров дает зрителю возможность ощутить атмосферу тех дней, когда зрело декабрьское восстание. Так драматург вводит нас в историческую обстановку, предшествовавшую грозным событиям памятного года.

Такой «зачин» пьесы избран автором не случайно — он позволяет театру с первого же эпизода завязать сюжетные «узлы». Нетрудно понять, зачем автор свел в одном купе представителей столь различных слоев общества, — он намерен развернуть широкую историческую картину, в которой действовали бы не только враждебные друг другу лагеря, но и промежуточные группы.

Что ж, драматург избрал правильный путь — он хочет показывать нам исторические события через судьбы людей. События жизни — большие и непериметные — находят правдивое и волнующее отражение в искусстве только тогда, когда драматург и актеры создают живые, точные обрисованные человеческие характеры.

И в первом же действии этого спектакля мы видим такие характеры. Вот, например, Лидия Васильевна

на Стахова, член Московского комитета большевиков. Она — одна из руководителейниц большевистского подполья, человек, чья судьба тесно связана с судьбой восстания. Драматург и актриса О. Дроздова наделили образ Стаховой живыми и неповторимыми чертами. Нам ясно, что вся жизнь Стаховой, все ее помыслы связаны с судьбами пролетарской революции. Склад ее характера, как бы созданного для самых суровых испытаний, способность мыслить глубоко и точно, сердечность и сдержанность, искренность и сила воли, цельность души — все это органически воплощено актрисой в роли Стаховой, и перед нами возникает обобщенный образ партийного руководителя-подпольщика тех лет. Она на всю жизнь впитала в себя правду о необходимости изменить жизнь на земле, дать счастье обездоленным. И этой цели она посвятила свою кристально чистую жизнь. Она и дочь воспитала так же, как была воспитана сама. Стахова видит в муже друга, любимого и близкого человека до тех пор, пока тот не падает духом, не идет компромисса с предателями революции. Актриса очень сдержанно, очень тонкими средствами показывает, как отдалается Лидия Васильевна от своего мужа, как тот становится ей чужим человеком, — и в этой сдержанности, сдержанности, глубокой антипатии и эффектным жестам и громким словам — особенное обаяние образа.

А вот совсем маленькая роль помещика-либерала Горского в исполнении артиста М. Бибера. Только в двух эпизодах видим мы Горского, но образ его остается в памяти, потому что он отмечен точно найденными автором и актером индивидуальными чертами. Крестьяне спалили усадьбу Горского, и он

тоскует, испугавшись «красного пехуа». В то же время он отлично понимает справедливость народного гнева, но человек по своему порядочный, во всяком случае, чистоплечный, и не жалеет, чтобы его причисляли и эксплуататорам и насильникам. Горский помогает рабочим-дружинникам уйти от преследования драгуи, потому что он честный человек. И в то же время он восторженно признается, что точно так же помог бы свертаться жандарму, если бы его преследовали революционеры. В этом выходящем образе — правдивая зарисовка либерала, сделанная с умкой авторской иронией. Зритель запомнит, конечно, юного фразера Ростислава Левковича, питомца всероссийской партии, который способен на героические жесты до первой серьезной схватки с врагом и становится ренегатом, предателем, когда его шкура в опасности. Много верно найденных штрихов, деталей в ролях Ивана Стахова (арт. А. Мальченко) и Михаила Чербаина (арт. Е. Савельев) — людей, заигрывавших с революцией до тех пор, пока революция не стала грозным, непреложным фактом. Запомнят также молодые большевики — Наташа Стахова (арт. Р. Солищева) и Всеволод Титов (арт. Б. Лонин), славно начавшие свой жизненный путь верной службой рабочему классу.

Есть в спектакле и другие хорошо очерченные человеческие образы. Но чем дальше мы его смотрим, тем больше ощущаем необходимость в том, чтобы автор, в вместе с ним и театр, сосредоточили свое внимание на центральных образах пьесы, всесторонне разработали основную сюжетную линию. К сожалению, ни автор, ни театр такой задачи перед собой не поставили, и мы до конца спектакля остаемся в ожидании «главного». Мы ждем, что автор, зная законы драматургии, сконцентрирует действие «на главном на-

правлении, но ожидания напрасны. На протяжении нескольких картин наша любимая привлекает образ большевика Богомолова (арт. А. Пруссаков), рядового рабочего, впитавшего в себя ленинскую науку побеждать и ставшего боевым командиром на пресненских баррикадах. Может быть, в образе Богомолова, в его судьбе автор найдет основной лейтмотив пьесы? Нет, в середине действия роль Богомолова исчерпана. В дальнейшем действующие лица даже не вспоминают о нем. А ведь это один из тех персонажей пьесы, которого зритель мог бы полюбить, если бы его любил и дал «крупным планом» автор. Может быть, автор избрал в главные герои Наташу Лидию Васильевну Стахову? Она занимает в пьесе немалое место, и все-таки не в ней «фокус» действия. Постепенно пьеса, энергично начатая автором, становится все более медлительной, внутренне-статичной. События, конечно, следуют одно за другим, а внутреннего развития образов нет. И это ставит актеров в крайне трудное положение.

По всему видно, что театр проделал большую работу — актеры сохраняют живость, естественность интонаций даже там, где автор связывает их сухим дидактическим текстом. Ученики спектакля очень чутки к правдивости каждого сценического положения, они стараются быть непринужденными, искренними, и все-таки это далеко не всегда удается им. Отдавая дань сценическим традициям, автор намекает в пьесе любовную драму: Всеволод Титов любит Наташу Стахову, а Наташа любит подпольщика Сергея Алесеева. Этот «треугольник» едва намечен и этому можно лишь порадоваться — едва ли любовная драма была бы тут уместна. Хорошо, что сама любовь Наташи и Сергея также выглядит неуместной, неживой, придуманной драматургом только для того, чтобы «степшить

пьесу. Это — одно из маленьких звеньев пьесы, оно ничем не связано с другими, и вся пьеса распадается на такие «звенья». Они не соединены в одно целое.

Режиссер С. Владычанинский хорошо, с увеличением поработал с актерами, добывая от них живности характеристики каждого, даже третьестепенного персонажа. К автору пьесы он был не так требователен. Он смирился с тем, что пьеса представляет собой чередование отдельных эпизодов, лучше или хуже написанных, объединенных лишь общностью событий. Нет в пьесе людей, через которых драматизм этих событий раскрывался бы до конца.

Превосходно оформил спектакль художник Е. Гранат. Его декорации дают образное представление об эпохе, помогают актерам создать ни стеге атмосферу подлинной жизни. К сожалению, кое-где художник, как и режиссер, впадает в выспренность, в многозначительную патетику. В прологе спектакля небо заподняло клубящиеся тучи... Слишком прямолинейный прием, слишком наивный символ! В финале художник снова прибегает к плакатной символике — на фоне пресненской баррикады возникает архитектурная деталь сегодняшней Москвы. Подобные декоративные эффекты производят впечатление навязчивых, искусственных.

Надо думать, что вслед за пьесой «В дни первой бури» появятся новые драматические произведения, посвященные бессмертной теме героического подвига русского рабочего класса. И драматургам, и театрам будет полезен опыт сильного, талантливого артистического коллектива, создавшего в Калининском театре о героическом прошлом Москвы.

Л. Горданова.

Вестник Москвы
13 АВГ 1951